

Н. А. БАСКАКОВ

**РАЗВИТИЕ ЯЗЫКОВ И ПИСЬМЕННОСТИ НАРОДОВ СССР
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ)**

I

До Великой Октябрьской социалистической революции уровень развития тюркских языков и культуры их носителей — народов, находившихся в составе бывшей Российской империи, был весьма пестрым. Среди народов, говоривших на тюркских языках, одни — уже сформировались в буржуазные нации, каждая со своим уже развившимся национальным литературным языком; другие — не достигли еще национальной ступени развития, хотя имели свою письменность и литературный язык, наконец, третьи — представляли собой либо только что создавшиеся народности, не имевшие пока письменного языка, либо не консолидировавшиеся еще в народность племенные группы, с племенными языками и наречиями.

К первой группе из тюркских народов могут быть отнесены, например, татары, национальный литературный язык которых с письменностью на арабском алфавите обслуживал отчасти и соседние народы, например, башкиров, астраханских ногайцев и др.

К этой же группе тюркских языков следует отнести язык азербайджанский. Нормы азербайджанского национального литературного языка были выработаны на основе общенародного азербайджанского языка в борьбе против панисламизма и пантюркизма реакционной части азербайджанской буржуазии и феодально-клерикальных кругов, которые стремились навязать своему народу «общетурецкий язык», общий для всех тюркских народов от Китая до Средиземного моря.

Из среднеазиатских языков к этой группе могли быть отнесены узбекский язык и отчасти казахский. Узбекский и казахский письменные языки в свою очередь оказывали некоторое влияние на формирование соседних письменных литературных языков народов: туркменов, уйгуров, с одной стороны, и киргизов и каракалпаков — с другой.

Вторую группу составляли тюркские народности, языки которых пока еще не развились в национальные и были либо бесписьменными, либо с письменностью, слабо развитой. К этим народностям относились чуваша, кумыки, ногайцы, каракалпаки, киргизы, якуты.

Следует, однако, отметить, что уровень национального самосознания, национальной культуры и степень формирования общенародных языков были различны для перечисленных выше народов. Так, языки чувашский, кумыкский и якутский являлись более развитыми языками по отношению к другим языкам этой группы тюркских народностей, а казахский язык в значительной мере уже приобрел черты национального языка. Вместе с тем, все эти народы не имели еще тех необходимых и вполне установившихся четырех признаков, которые, по определению И. В. Сталина, являются характерными для наций.

Наконец, в состав последней группы тюркских народов входили алтайцы, хакасы, тувинцы (тогда в составе феодальной Монголии), чулымцы, кюэрикцы, камасинцы, карагасы (тофа), шорцы и др., до Великой Октябрьской социалистической революции разобщенные на отдельные группы народов и племена и по существу обреченные на гибель и исчезновение. Так, например, алтайцы в недавнем прошлом состояли из двух этнических групп, которые в свою очередь дробились на более мелкие племенные подразделения (алтай кижы, телеуты, теленгиты, толесы, тиргеши, туба, кумандинцы, чалканцы и проч.).

Эти раздробленные мелкие замкнутые племена не имели крупных экономических центров и вели по сути дела натуральное хозяйство. Они еще не консолидировались в народности и не имели соответствующих общих языков, а характеризовались множеством племенных языков и наречий, обособленных и значительно отличавшихся между собой особенностями словарного состава и отчасти грамматического строя, хотя и общих по своему происхождению. Эти племенные языки и наречия не имели своей письменности, если не считать издания некоторых церковных книг на азбуке, разработанной миссионерами.

Такую же пеструю группу племен и родов составляли также и современные хакасы, в состав которых вошли следующие родоплеменные соединения: койбалы, сагайцы, качинцы, бельтирцы, шорцы, кызыльцы и проч. Языки алтайцев, хакасов и тувинцев, находящиеся на начальной ступени национального образования, до сих пор сохраняют диалектные особенности языков племен, вошедших в состав этих народов.

В отношении периодизации процесса развития тюркских языков до Великой Октябрьской социалистической революции следует сказать, что, несмотря на имевшуюся пестроту уровней развития этих языков, намечаются следующие два общих для большинства народов периода: 1) период формирования большинства современных тюркских народов в самостоятельные народности с общенародным языком, охватывающий в основном XIV—XIX вв., и 2) период зарождения наций и ряда национальных языков, относящийся ко второй половине XIX в., вплоть до 1917 года.

Первый период характеризуется постепенным сложением народностей на основе слияния родственных родоплеменных групп и постепенной выработкой общих норм языков народностей в ходе нивелировки диалектов — бывших племенных языков. В этот период формируется большинство современных тюркских народностей: узбеки, казахи, киргизы, туркмены, каракалпаки, уйгуры, татары, башкиры, чувашы, кумыки, азербайджанцы, якуты и др. Исключение составляют лишь сибирские тюркские племена и некоторые малочисленные племена в других районах современной территории Советского Союза, которые не имели соответствующих условий для объединения в народности. Для этого периода характерно интенсивное развитие устного народного творчества и, в особенности, героического эпоса и значительный разрыв между общенародным разговорным языком и литературными письменными языками, которые были не у всех народов и которыми пользовались верхние слои феодального общества.

Второй период является периодом завершения развития народностей и образования наций, появления литературных языков как высшей формы общенародного языка и зарождения национальных языков, отличающихся от языков народностей значительно большим объемом и более универсальными общественными функциями на основе закрепления их в литературе. В этот период у большинства тюркоязычных народов происходит обостренная борьба между двумя антагонистическими лагерями: реакционно настроенные группы господствующего класса стремятся сохранить нормы старых письменных языков, насыщенных арабизмами и фарсизмами, а

с другой стороны, передовая часть народа, прогрессивные демократические слои, борются за сближение литературных языков с общенародными языками, за очищение литературных языков от арабской, персидской и турецкой лексики, за сближение с культурой и языком великого русского народа, против идей пантюркизма и панисламизма.

Именно эти прогрессивные устремления характеризовали собой борьбу Каюма Насыри, а затем Г. Тукая, Ш. Камала, Г. Камала и других крупнейших татарских поэтов и писателей за создание татарского национального литературного языка.

То же следует сказать и об основоположниках азербайджанского национального литературного языка—М. Ф. Ахундове, Дж. Мамедкулизаде, Г. Зардеби, А. Агвердиеве и др. «Исламизм,—писал М. Ф. Ахундов,— не принес нашему отечеству ничего, кроме вреда. Арабы не только подорвали наше могущество и славу, опустошили и разграбили наше отечество, но и навязали нам свой алфавит, который затрудняет доступ к грамотности и усвоение которого требует долгих лет труда» (из письма Мирзе Юсуфхану). Прогрессивная роль М. Ф. Ахундова заключается в том, что он в своей борьбе за литературный азербайджанский язык стремился, с одной стороны, очистить его от множества арабских и персидских слов, а с другой — обогатить язык лексикой из русского языка и тем самым приблизить азербайджанский язык к русскому языку и азербайджанскую культуру к русской культуре.

Если М. Ф. Ахундов был создателем азербайджанского языка литературных художественных произведений, то Гасанбек Зардеби может считаться творцом языка азербайджанской публицистики и прессы. Язык его научных и публицистических статей отличался чрезвычайной близостью к народному разговорному языку. Он, так же как и М. Ф. Ахундов, стремился к максимальному приближению литературного языка к широким народным массам в отличие от реакционных азербайджанских журналистов того времени, язык которых, благодаря чрезвычайно большому количеству арабизмов и фарсизмов, носил характер социального жаргона и был совершенно недоступен народу.

Такую же роль в истории казахов и казахского литературного языка сыграли крупнейшие казахские просветители конца XIX в. Абай Кунанбаев, Ибрай Алтынсарин и др. Однако закрепление казахского национального языка в литературе следует отнести к более позднему периоду.

Итак, к Великой Октябрьской социалистической революции тюркские народы и языки России по уровню своего развития представляли собой довольно пеструю картину. Только весьма немногие из тюркских языков имели свою письменность, оставаясь в большинстве своем либо с некоторыми зачатками письменности, либо, что характерно для большинства, бесписьменными языками.

Те немногие языки, достигшие уровня самостоятельных литературных национальных языков, каковыми были татарский, азербайджанский, узбекский и др., до недалекого прошлого основывались, как правило, на нормах старых письменных (книжных) языков, характеризующихся архаической лексикой, насыщенной арабо-иранскими заимствованиями и некоторыми архаическими чертами грамматического строя. Становление национальных языков у большинства тюркских народов России в дореволюционное время еще не закончилось. Феодално-клерикальные круги и наиболее реакционная часть буржуазии (татарской, азербайджанской, узбекской) пропагандировали идеи пантюркизма и панисламизма, стремились подменить свой национальный язык старыми литературными языками, характеризующимися насыщенностью в лексике и даже грамматике элементами турецкого и персидского языков. Против этого, за чистоту

национального языка, за внедрение в литературный язык норм общенародного разговорного языка, за сближение с культурой и языком русского народа вели борьбу прогрессивные демократические круги.

Графика большинства старых письменных языков базировалась на традиционном арабском алфавите, весьма слабо отражающем звуковую систему тюркских языков и вообще неприспособленном для них. Исключение составляли только чувашский литературный язык и зачатки письменности некоторых сибирских тюркских народов, пользовавшихся русской графикой.

II

Великая Октябрьская социалистическая революция открывает новую эпоху в развитии народов СССР и их языков. Освобождение Великим Октябрем народов и огромные сдвиги в экономическом, политическом и культурном их развитии характеризуются также и значительным развитием языков этих народов, созданием множества новых литературных языков, разработкой письменности для языков, не имевших своей письменности, обогащением словарного состава языков и известным совершенствованием их грамматического строя.

Однако все эти сдвиги в развитии языков народов СССР, происшедшие в эпоху после Октября, следует рассматривать не как образование каких-то новых языков с новым основным словарным фондом и новым грамматическим строем, а как совершенствование существующих языков, расширение их функций и превращение языков племен и народностей в развитые национальные языки с богатой терминологией и лексикой.

Вместе со значительным обогащением словарного состава этих языков происходит и известное перераспределение лексики между основным словарным фондом и словарным составом. Словарный состав представляет собой как бы первый план движущегося в своем развитии языка, вместе с которым приходит в движение и изменяется, но более медленно, и основной словарный фонд и еще более медленно грамматический строй языка.

Новые социалистические условия развития экономики и культуры, резкое повышение грамотности и благотворное влияние русского языка на развитие других национальных языков Советского Союза — все эти факторы способствовали ускорению развития языков, значение и непрерывное расширение и усложнение функций которых, в связи со школьным преподаванием, развитием прессы, научной и общественно-политической литературы, нарастали все более ускоренными темпами.

В результате создания национальных республик и областей, наряду с изменением диалектной основы литературных языков, очищением их от элементов жаргона господствовавших классов, еще большим их приближением к нормам общенародных языков в ходе консолидации народностей в социалистические нации, появляются и развиваются национальные языки. Народности, возрожденные Великим Октябрем, получившие право национального самоопределения, вырастают в самостоятельные нации, а их языки — в национальные языки, на основе которых развиваются новые национальные литературы, школьное преподавание, пресса, театр, государственное делопроизводство. Непрерывный рост промышленности, сельского хозяйства, культуры, науки и техники требует от языка нового пополнения и развития его словарного состава, терминологии, усовершенствования графики, орфографии, а в связи с развитием разных стилей — и требованием большей гибкости языка — и дальнейшего развития грамматического строя.

Ленинско-сталинская национальная политика способствовала развитию национального самосознания не только более или менее крупных народов,

порабощенных в бывшей Российской империи, но и мелких племен и народностей, которые были обречены в условиях капитализма на вымирание и гибель. С помощью великого русского народа эти небольшие в количественном отношении этнические группы, наряду с экономическим развитием на базе социалистических методов производства, подняли и развили также и свою социалистическую по содержанию и национальную по форме культуру и добились не только сплошной грамотности, но и значительных успехов в развитии своей литературы, науки и искусства.

К этой группе тюркских народов, которые к эпохе Октября еще не сформировались в самостоятельные народности и представляли собой неконсолидировавшиеся, разрозненные группы племен, относились, например, ногайцы, хакасы, алтайцы, шорцы и другие народы.

Наиболее крупные из этих этнических групп, например, хакасы и алтайцы в процессе развития Советского государства образовали самостоятельные автономные области и благодаря ленинско-сталинской национальной политике получили возможность самостоятельного развития в равноправные социалистические нации, минуя этапы развития их в качестве буржуазных наций.

Ярким примером такой возрожденной народности, успешно развивающей ныне свою национальную культуру, являются хакасы, объединенные в свою национальную Хакасскую автономную область, входящую в качестве самостоятельной административной единицы в Красноярский край.

Благодаря недавнему объединению хакасского народа в единую народность, развивающуюся в социалистическую нацию, современный хакасский язык, соответственно племенным группировкам, вошедшим в него, состоит из нескольких диалектов, исторически восходящих к различным племенным языкам. До объединения хакасов в единую народность не было не только литературного, но и вообще единого разговорного языка. Существовали лишь соответствующие племенным группировкам отдельные наречия: сагайское, бельтирское, качинское, койбальское и кызыльское, которые ныне хотя и сохранили отчасти свои особенности, но постепенно, под влиянием литературного языка, нивелируются, сливаются с нормами литературного языка. Следовательно, современный хакасский общенародный язык, приобретающий значение национального языка, являясь результатом консолидации, объединения хакасских племен в единый коллектив, становится теперь единым языком основного населения Хакасской автономной области. В его основе лежат не все племенные диалекты, объединяемые им, а только один из них, а именно сагайско-качинский, исторически еще ранее объединивший по существу два диалекта, при доминирующей роли сагайского диалекта. Параллельно с установлением диалектной базы литературного языка непосредственно после образования Хакасской автономной области началась разработка хакасского алфавита, хакасской письменности, которая после использования, сначала старого миссионерского алфавита на русской основе (1922—1928), затем латинизированного (1928—1938), окончательно установилась на общей с русским алфавитом графике, дополненной несколькими буквами для специфических хакасских звуков.

Аналогичный процесс постепенной консолидации разрозненных племенных групп в единую народность и, затем, социалистическую нацию и формирования единого общенародного национального языка происходил в эпоху после Великой Октябрьской социалистической революции и в современной Горно-Алтайской автономной области, в Тувинской автономной области и в некоторых других республиках и областях.

Так современные алтайцы, объединившиеся уже в единую народность, в состав которой, как и в состав хакасской народности, вошло несколько

племенных групп, успешно завершают процесс своего развития в самостоятельную и полноправную социалистическую нацию.

До Великой Октябрьской социалистической революции алтайцы имели письменность и литературный язык, созданный миссионерами, которые использовали его для своих целей. После революции старый алтайский литературный язык, в основе которого лежал незначительный по распространению телеутский диалект, оказался далеким от общенародного алтайского языка, а потому база этого литературного языка была вскоре изменена и в его основу был положен другой более массовый собственно-алтайский диалект, наиболее полно отражающий законсервации всего алтайского языка.

Однако такой характер изменения самой основы литературного языка возможен только в тех случаях, когда старый литературный язык являлся языком отдельного племени, которое в процессе консолидации вошло в более обширную общность родственных племен и народов, более крупных по своему составу.

Общие с процессами развития хакасского и алтайского языков черты имели также и процессы становления других тюркских языков, стоящих на общем с ними уровне, и в частности формирование тувинского языка.

Таким образом, образование национальных тюркских языков социалистических наций Советского Союза, при различиях исходного уровня развития каждого конкретного народа, в общем проходило в одинаковых исторических условиях подъема социалистической экономики и культуры всех народов СССР.

Отсюда, конечно, не следует делать вывода о наличии только общих закономерностей в формировании всех национальных языков, так как каждый язык, как известно, развивается по своим внутренним законам, не имеющим непосредственной зависимости от экономических и политических условий.

Поэтому более подробное и исчерпывающее изучение и тщательный анализ закономерностей в развитии языков социалистических наций должны быть сделаны дифференцированно по отношению к каждому конкретному языку и каждому историческому периоду его развития. При этом необходимо учитывать и те общие особенности языков, которые складываются в зависимости от территориальной близости данных языков к другим литературным языкам, например, некоторые общие черты тюркских языков Поволжья, на которые влиял татарский язык, общие черты тюркских языков Кавказа в связи с воздействием на их развитие азербайджанского языка в период их дореволюционного, бесписьменного состояния.

Вместе с тем общая историческая перспектива развития литературных языков народов СССР в эпоху социализма в условиях советской государственности и социалистического строительства позволяет определить и некоторые общие тенденции в развитии этих языков, каждый из которых, конечно, в результате этого развития получает также и характерные специфические особенности.

Имея в виду эти общие исторические условия развития языков социалистических наций в границах Союза Советских Социалистических Республик, можно установить известную последовательность и периодизацию в их развитии, исходя из основных, исторически значимых, периодов национального развития народов СССР в эпоху после Великой Октябрьской социалистической революции. Основными периодами в развитии народов СССР и их языков в послеоктябрьскую эпоху могут считаться два: 1) период формирования национальных автономий и их литературных языков — от начала Октября до развития социалистического строительства, т. е. от 1917 до 1928 года, и 2) период развернутого социалистического

строительства и роста национальной по форме и социалистической по содержанию культуры народов СССР — с 1928 г. по настоящее время.

Таким образом, ленинско-сталинская национальная политика и образование национальных республик и областей создали благоприятные условия для развития национальных литературных языков, которые, совершенствуясь и шлифуясь, не изменили, однако, своей основы, отличающейся исключительной стабильностью и устойчивостью. О характере изменения языков в период после Великой Октябрьской социалистической революции можно судить по высказыванию И. В. Сталина относительно изменения русского языка в тот же период: «Что изменилось за этот период в русском языке? Изменился в известной мере словарный состав русского языка, изменился в том смысле, что пополнился значительным количеством новых слов и выражений, возникших в связи с возникновением нового социалистического производства, появлением нового государства, новой социалистической культуры, новой общественности, морали, наконец, в связи с ростом техники и науки; изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение; выпало из словаря некоторое количество устаревших слов. Что же касается основного словарного фонда и грамматического строя русского языка, составляющих основу языка, то они после ликвидации капиталистического базиса не только не были ликвидированы и заменены новым основным словарным фондом и новым грамматическим строем языка, а, наоборот, сохранились в целостности и остались без каких-либо серьезных изменений, — сохранились именно как основа современного русского языка»¹.

Такой же характер носили изменения за этот период и в языках других народов и, в частности, в тюркских языках, которые, однако, являясь менее развитыми языками, чем русский, соответственно имели и более существенные, а иногда довольно значительные изменения, которые тем не менее не затрагивали существо языка, его основу.

Акад. В. В. Виноградов, подчеркивая принципиальные различия между внутренними законами развития языка и изменениями в языке, вызванными общественными условиями, пишет: «К общественным условиям развития языка относятся изменения его социальной основы, общественной организации его носителей, обусловленные развитием общества. Язык племени, язык народности и национальный язык различаются по объему и многообразию своего общественного применения, по своей организующей и объединяющей силе в отношении диалектов и, следовательно, отчасти и по элементам своего качества. Самые возможности развития языка племени, его способность стать языком народности, нации обусловлены экономическими и культурно-историческими условиями развития племени. Поэтому-то язык необходимо изучать в неразрывной связи с историей общества, со всем комплексом характерных для той или иной эпохи социальных и экономических отношений»².

Общественные условия, возникшие в эпоху после Великой Октябрьской социалистической революции, вызвали относительно глубокие изменения во всех языках народов СССР, главным образом: а) в отношении расширения значимости литературных языков, как основных языков национальных республик и областей, развития письменности, совершенствования графики и новых соотношений, возникших между общенародным литературным языком, с одной стороны, и территориальными диалектами данного языка — с другой; б) в отношении необычайного роста словарного

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языковедения, Госполитиздат, М., 1951, стр. 6—7.

² В. В. Виноградов, Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языковедения» и развитие советской науки о языке, М., 1951 г., стр. 11.

состава национальных языков и в) в отношении некоторых сдвигов в развитии фонетической структуры и грамматического строя, заключающихся в обогащении звукового состава языков и некоторых изменений грамматического строя, главным образом в области синтаксиса, который обогащается новыми конструкциями предложения.

Все эти изменения должны быть подвергнуты глубокому и всестороннему изучению дифференцированно по отношению к каждому конкретному языку и последовательно по основным периодам развития языков в послеоктябрьскую эпоху.

III

Касаясь основных и общих тенденций развития литературных письменных языков, мы должны прежде всего рассмотреть общие вопросы становления литературных языков и, в частности, вопрос о соотношении литературного языка и диалектов, тех соотношений, которые сильно изменились вместе с необычайным ростом значения литературных языков в послеоктябрьскую эпоху.

Расширение общественных функций общенародных языков, связанное с расширением сети средних школ, высших учебных заведений, ростом прессы, художественной, научной и общественно-политической литературы, развитием театра, радиовещания на этих языках и проч., — способствует необычайному обогащению языков как за счет их внутренних ресурсов, за счет диалектов и говоров, так и за счет заимствования лексики из других соседних языков и особенно великого русского языка. Эти быстрые по темпу процессы обогащения литературных языков наиболее выпукло видны в новых литературных языках, возникших у некоторых народов в послеоктябрьскую эпоху. В связи с новыми задачами и потребностями развивающихся литературных языков либо изменяется диалектная основа языка, например, алтайского, либо происходит процесс концентрации диалектов, все богатства которых используются для обогащения литературного языка, например, хакасского. Процесс концентрации диалектов и их нивелировка и перемалывание при ведущей роли одного из них достигает иногда своего полного завершения, полного слияния, конвергенции диалектов, как это мы можем констатировать, например, в отношении сагайского и качинского диалектов хакасского языка, в значительной степени потерявших свои различия, или телеутского, телегитского и собственно-алтайского диалектов алтайского языка. В значительной степени перемоловшимися оказались также говоры казахского языка.

Глубокие изменения произошли также в языках, имевших до Октябрьской революции давно уже сложившуюся письменность и старые литературные традиции. Ярким примером в этом отношении являлся узбекский литературный язык, который вплоть до Октября имел архаические черты, связывающие его со староузбекским литературным языком, сформировавшимся еще в XV в. Только в эпоху социализма основа литературного языка подверглась коренному изменению в направлении сближения норм литературного языка с нормами живого, общенародного разговорного языка. При этом на первых этапах своего послереволюционного развития узбекский литературный язык ориентировался на сингармонистические кишлачные говоры, и только в начале тридцатых годов его диалектной основой становятся ташкентско-ферганские городские говоры, наиболее полно отражающие общие закономерности развития всего узбекского языка.

Борьба за диалектную основу национального литературного языка была связана с политической борьбой. Так, например, в Узбекистан

буржуазно-националистические элементы, стремясь увести узбекский язык от общего потока развития языков социалистических наций, пытались «создать» искусственный литературный язык на основе старого книжного языка с ориентацией на использование арабо-фарсизмов, непонятных народу. Этими книжными, непонятными для народа, арабизмами и фарсизмами иногда пестрит, к сожалению, и современная узбекская поэзия. Были также попытки «создать» литературный язык на основе междиалектной смеси путем создания искусственного сочетания особенностей грамматического строя и словарного состава всех диалектов узбекского языка. Примером такого искусственного внедрения в узбекский литературный язык грамматических форм, мало понятных или не известных большинству узбеков, является форма причастия будущего времени на *-ажж*, взятая из хорезмского диалекта узбекского языка.

Литературные языки на первых этапах своего развития ревниво оберегались националистами от массово внедрявшихся в них русских и международных слов и терминов, которые искусственно элиминировались и заменялись в одних языках чуждыми для широкой массы арабскими и персидскими словами, а в других — искусственно созданными «национальными», но также чуждыми и непонятными народу словами и терминами.

Ожесточенная борьба велась и в отношении разработки письменности как для возникших тогда новых литературных языков, так и для языков, имевших старую письменную традицию. Буржуазные националисты всеми силами цеплялись за старый, совершенно непригодный для тюркских языков арабский алфавит. Сторонники арабского алфавита стремились тогда сохранить общие принципы старой традиционной арабской письменности для всех тюркских языков, имевших в основе графики литературного языка арабский алфавит. Но вскоре, в связи с общей тенденцией сближения литературных письменных языков с живыми разговорными общенародными языками и необходимостью отражения в письме этих национальных особенностей языка, они были вынуждены под давлением народных масс встать на путь «реформы» арабского письма и этими полумерами сохранить его. Появилось множество различных вариантов реформированного арабского алфавита, приспособленных для сингармонистических языков (например, казахский вариант с его универсальным символом «дайакшы», регулирующим вокализм всего слова) и для языков, характеризующихся изменениями и нарушениями законов сингармонизма (например, варианты для татарского, узбекского, азербайджанского языков) и проч.

Новые задачи литературных языков, возникшие в связи с растущей экономикой и культурой, обеспечили вскоре победу и над устаревшими способами письма и все тюркские языки перешли в большинстве своем сначала на латинскую, а затем на русскую графическую основу.

Основные и исключительные по своим масштабам изменения в языках народов СССР произошли в их словарном составе. Указывая на то, что «язык отражает изменения в производстве сразу и непосредственно, не дожидаясь изменений в базисе»³, — товарищ И. В. Сталин подчеркивает, что «словарный состав языка, как наиболее чувствительный к изменениям, находится в состоянии почти непрерывного изменения, при этом языку, в отличие от надстройки, не приходится дожидаться ликвидации базиса, он вносит изменения в свой словарный состав до ликвидации базиса и безотносительно к состоянию базиса».

Однако словарный состав языка изменяется не как надстройка, не путем отмены старого и постройки нового, а путем пополнения существующего

³ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 11.

словаря новыми словами, возникшими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, с развитием культуры, науки и т. п. При этом, несмотря на то, что из словарного состава языка выпадает обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых слов»⁴.

Лексику языка, таким образом, необходимо рассматривать в процессе ее постепенного изменения в соответствии со сдвигами и изменениями в истории народа, носителя данного языка, следовательно, в этом плане приобретает особое значение правильно построенная периодизация истории развития лексики каждого конкретного языка. Самый же процесс развития лексики заключается в изменении смысла слов, постепенном отмирании и выпадении некоторых устаревших слов и пополнении словаря гораздо большим количеством новых слов. Это пополнение словаря идет как за счет ресурсов родного языка, так и за счет заимствования слов из русского языка, обладающего более богатым словарным составом. Следует также подчеркнуть, что, согласно указаниям И. В. Сталина, наибольшему развитию подвергается та часть словарного состава, которая связана с производством и общественными отношениями, и менее подвержена изменению лексика, связанная, например, с отношениями человека к самой природе.

После 1917 г. все языки народов СССР проходят общий путь своего развития, сохраняя свои специфические черты. Они образуют также и некоторые общие закономерности в развитии своего словарного состава. Прежде всего следует отметить, что в отношении характера изменения лексики, отмирания и выпадания некоторых слов и пополнения новыми словами сохраняются некоторые местные особенности для некоторых групп тюркских языков. Так, выработанные в течение длительного времени общие явления в лексике, например, в языках тюркских народов Сибири, характеризующихся общими чертами своего исторического развития и особенностями своего быта, а также общими источниками заимствования лексики (монгольские, тунгусский, финноугорские языки, а также китайский, санскритский и другие языки), сохраняются и теперь. То же самое следует сказать о тюркских языках Поволжья, Кавказа, Средней Азии, имеющих свои особенности и источники заимствования.

Вместе с тем, общий социалистический характер хозяйства у всех народов СССР и общая социалистическая по содержанию культура содействуют образованию в словарном составе ряда языков народов СССР значительного по объему общего слоя, к которому относится, главным образом, общественно-политическая, научная и профессиональная терминология, т. е. та часть лексики, которая относится к послеоктябрьскому периоду.

Эти общие закономерности определяют и специфические особенности основных процессов изменения лексики — отмирания старых слов и пополнения словаря новыми словами.

Характеризуя процессы развития словарного состава русского языка в эпоху социализма, И. В. Сталин указывает на следующие его изменения: во-первых, словарный состав русского языка «пополнился значительным количеством новых слов и выражений», во-вторых, «изменился смысл ряда слов и выражений, получивших новое смысловое значение», и, в-третьих, «выпало из словаря некоторое количество устаревших слов»⁵.

Те же процессы выпадения старых слов и пополнения новыми словами, но в значительно больших масштабах, происходили после Октября и в языках ранее отсталых народов СССР, в более короткий исторический

⁴ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 24—25.

⁵ Там же, стр. 6.

срок пополнявшихся той лексикой, которая накапливалась в течение ряда эпох в русском языке.

Так, в тюркских языках Сибири, в связи с ростом нового социалистического способа производства и новой социалистической культуры, постепенно отмирает лексика, связанная со старыми общественно-экономическими формациями, старой идеологией и культурой. Например, в алтайском языке из активного словаря современного поколения постепенно выпадает терминология, связанная с примитивным натуральным хозяйством, старым бытом, религиозными представлениями. Выпадают такие термины, как алт. *абыл* «мотыга», *андазын* «вид примитивной сохи»; *жайзан* монг. «зайсан — феодальный титул — старшина»; *албан* «дань, подать», *селбик* «подать в пользу зайсана», *сүне, сүр, үзүт, кут* «душа» (в различных модификациях и превращениях по старым шаманистическим поверьям алтайцев), *көрмөс* «дух умершего» и т. п.

В языках народов, стоявших до революции на относительно более высокой ступени развития хозяйства, общественных отношений и культуры, отдельные слова, обозначающие старые понятия, выпадают и замещаются новыми словами, содержащими соответственно близкие, но новые понятия, например, узб. *дорулфунун* в старом значении «высшая школа», букв. «врата наук», замещается новым словом *университет* в новом значении; или каракалп. — *мустақыллык* выпадает из словаря и замещается новым словом *автономия*; *аударыспақ*, «переворот, революция» вытесняется словом *революция* и т. п. В том же каракалпакском языке переходят в архаизмы и историзмы такие прежде заимствованные из русского языка термины, как *болыс* «волостной старшина», *пыйстап* «пристав» и т. п.

Следует, однако, отметить, что отмирание и выпадение из словарного состава устаревших слов и выражений происходит не внезапно, а путем их постепенного вытеснения сначала из активной части лексики в пассивную и из продуктивной в малопродуктивную и, затем, в разряд редкоупотребляющихся слов — архаизмов, которые, в конце концов, вовсе выпадают из словарного состава. Ср., например, переход в разряд исторической лексики таких слов, как *комбед, продналог, ликбез* и т. п. в русском языке, равно как и их эквивалентов в языках других народов СССР.

Более широким по своему объему и сложным по разнообразию приемов является процесс пополнения словарного состава языков народов СССР.

Основными источниками пополнения словарного состава языков народов СССР являются: а) ресурсы своего родного языка и б) русская лексика и терминология.

Наиболее обширным и богатым источником обогащения словарного состава конкретных языков является основной словарный фонд данного языка с его корневым ядром. Возможности словообразования каждого языка являются неисчерпаемыми. «Причины появления новых слов заключаются в изменениях общественной жизни, в развитии производства и других областей человеческой деятельности. Но способы образования этих слов, если они создаются из материальных ресурсов данного языка, определяются уже внутренними законами развития языка»⁶.

К способам образования новых слов из ресурсов родного языка следует отнести выражение новых понятий посредством: 1) калькирования, 2) переосмысления старых слов путем сужения или расширения значений, 3) сложных слов и сочетаний слов, 4) производных слов и 5) сокращенных слов.

Наиболее продуктивными из перечисленных способов является переосмысление старых слов и приспособление их к обозначению новых возникающих в языке понятий.

⁶ В. В. Виноградов, Труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» и развитие советской науки о языке, М., 1951, стр. 15.

Применяя для обозначения нового понятия то или иное имеющееся уже готовое слово, язык осваивает это понятие, внося в данное слововое значение, более широкое или более узкое.

Примером сужения значений могут служить алт. *кызалан* || *кысталан* «кризис» (прежнее значение — «стеснение, притеснение, затруднительное положение»); *мөрөй* «соревнование» (прежнее значение — «цель, призв в состязании») и проч.; казах. *бай* «богатый»⁷ (в прежнем значении: 1) «богач, эксплуататор»; 2) с аффиксом принадлежности, например, *байым* «мой муж»; 3) «богатый»).

В качестве примера на расширение значений могут быть приведены алт. *согуш* «бой» (а также «столкновение, драка»); *тебу* «темп» (а также «удар, лягание»), *ичкериле* «наступать» (а также «идти вперед»); *агару* «священный» (а также «святой») каракалп. *сайлау* «выборы» (а также «отбор, подбор, выборание»); *орынбасар* «смена» (например, *пионерлер* — *комсомолдынг орынбасары* «пионеры, смена комсомола», а также «замещающий, заместитель») и проч.; туркм. *кувват* «мощность» (а также «сила, мощь»), *горанма* «оборона» (а также «ограждение, ограда»); *мадда* «вещество» (а также «материя, материал») и проч.

Весьма продуктивным является также способ калькирования, например, в большинстве тюркских языков *бешйыллык*, или *бесжыллык* «пятилетка» (слово состоит из сочетания *беш* или *бес* «пять», *йыл* или *жыл* «год» и аффикса отвлеченного понятия *-лык*); ср. туркм. *учбурчлук* «треугольник» (из *уч* «три» + *бурч* «угол» + аффикс-*лык*); *халкара* «международный» (из *халк* «народ», *ара* «промежуток, между»); тат. *кучма кызыл байрак* «переходное красное знамя», каракалп. *жамиятлик жумыс* «общественная работа»; *жоқары оқу орны* «высшее учебное заведение»; *ози оқытқыш* «самоучитель» и т. п.

Для обогащения словарного состава широко используется также способ словосложения и словосочетания, способ парных слов и реже — способ сложно-сокращенных слов. К словам и терминам этой группы относятся:

а) словосочетания, состоящие из двух или нескольких слов и выражающие одно понятие: алт. *ишкүчиле жаткан* «трудящийся» (букв. «живущий своей рабочей силой»), *төрөл үчүн жуу* «отечественная война» (букв. «война за родину»); *мактулу доско* «доска почета» (букв. «доска с почетом»); каракалп. *хауада ушу* «воздухоплавание» (букв. «летание по воздуху»); *су айрытпасы* «водораздел» (букв. «разделитель воды или рек»); тат. *уйлап табуучы* «изобретатель», *уз йорешиле комбайн* «самоходный комбайн»; туркм. *өнүмчилик капиталы* «производственный капитал», *дил билими* «языкознание» и т. п.

б) парные слова: алт. *эп-сүме* «метод» (из *эп* «ловкость», *сүме* «выдумка»), *амыр-энчү* «мир»; *аш-курсақ* «продовольствие» и т. п.;

в) словосложения из полных или сокращенных слов, например, алт. *колчабыш* «аплодисменты» (букв. «рукоплескание»); *журт-хозяйство* «сельское хозяйство»; *политишчи* «политработник»; тат. *күпстанокчы* «многостаночник»; *райбашкарма* «райисполком» и др.; туркм. *Туркмендөвлетнешир* «Туркменгосиздат» и проч.

Не менее продуктивным способом является аффиксация или использование служебных и вспомогательных слов. При этом исходными основами зачастую оказываются также и заимствованные слова, например, алт. *ремонтто* «ремонтировать» (*ремонт* + аффикс образования глагола от имени *-то* < *-та* < *-ла*); *колхозчы* «колхозник» (*колхоз* + аффикс профессии *-чы*); а также *мобилизовать эдерге* «мобилизовать» (изинфинитива

⁷ Х. Махмудов, Заметки о преподавании русского языка в казахской аудитории, Вестник Академии Наук Казахской ССР, № 9 (78), 1951, стр. 108.

русского глагола и вспомогательного глагола *ет*-«делать») и т. д.; каракалп. *колониялык* «колонияльный» (*колония* + аффикс прилагательного *-лык*, *-лик*); *конвейерли* «конвейерный» (*конвейер* + аффикс обладания *-лы*, *-ли*), а также *командировка ет*-«командировать» (где *ет*— служебный вспомогательный глагол); туркм. *ленинчи* «ленинец», *партиялы* «партиец», *агентлик* «агентство», *паспортлашдырма* «паспортизация», *анализлеме* «анализирование» и проч.⁸.

В первый период развития национальных языков с 1917 примерно по 1928 год, для выражения новых понятий в некоторых языках характерны буржуазно-националистические попытки насаждения арабо-иранской терминологии старых письменных (книжных) языков, которая в дальнейшем, как правило, была заменена общими для всех языков СССР русскими и интернациональными терминами.

Особенно ярко эти тенденции выразились в языках Средней Азии, ср., например, следующие существовавшие прежде искусственные термины: узб. *инқилоб* «революция», *жумхурият* «республика», *фирқа* «партия» и т. п.; туркм. *дарылылым* «академия», *сермаядар* «капиталист», *зерре* «молекула» и проч.; каракалп. *вазир* «министр», *джамиятчилик* «социализм» и т. п.

Вместе с тем следует отметить, что многие арабо-иранские слова в тех же языках прочно вошли не только в словарный состав, но и в основной словарный фонд языков и успешно используются в современном языке наравне с незаимствованными словами.

Арабо-иранские слова и термины в той или иной мере представлены во всех тюркских языках, кроме тюркских языков Сибири, носители которых исторически не входили в орбиту влияния ислама и культуры народов Ирана и Аравии. В последних, вместо арабо-иранских заимствований имеется много монгольских слов, менее характерных для тюркских языков Поволжья, Кавказа и Средней Азии. Следует отметить, что народные разговорные языки содержали значительно меньшее количество арабо-иранских слов, чем соответствующие письменные (книжные) языки прошлого.

Характерной чертой арабо-иранских заимствований в тюркских языках является то, что они представлены главным образом именами существительными и реже прилагательными. Что же касается остальных именных частей речи и арабских и персидских глаголов, то они, как правило, не усваивались тюркскими языками, если не считать так называемых составных глаголов, состоящих из имени и вспомогательного глагола, где именная часть может быть выражена и заимствованным словом.

Подавляющее большинство арабских и иранских заимствований, сохранившихся в современных языках, относится по своему значению главным образом к понятиям, связанным с религией и наукой, а также составляет некоторую часть общественно-политической и другой лексики.

Внутренние словообразовательные возможности основного словарного фонда каждого языка исключительно велики. Однако общность исторических условий, как отмечалось уже выше, была причиной внедрения в современные национальные литературные языки народов СССР множества русских слов и терминов.

Влияние русского языка на развитие языков народов СССР началось еще в дооктябрьскую эпоху, хотя тогда русские заимствования относились главным образом либо к бытовой лексике, либо к терминологии,

⁸ М. Д. Аниагурдов, Туркмен дилиниң терминологиясы ве оңы онатландырмак везипелери, Ашгабат, 1951, стр. 12—13.

связанной с земледелием, торговыми сношениями, административным управлением и отчасти культурой.

К заимствованиям этого периода относятся такие слова как: каракалл. *кенгесе* «канцелярия», *бадырақ* «батрак», *ширкеу* «церковь», *парахот* «пароход», *мас* «карточная мазь», *самоврын* «самовар» и др.; алт. *серип* «серп», *салам* «солома», *сусек* «сусек», *симиттен* «сметана», *сакон* «закон», *пунт* или *мынта* «фунт» и др.; туркм. *бедре* «ведро», *пристав* «пристав», *сут* или *сот* «суд» и др.

Подавляющее большинство русских и интернациональных слов, заимствованных через русский язык, вошло в тюркские языки в послеоктябрьскую эпоху.

Первый период развития национальных республик и областей характеризуется пуристическими тенденциями изъятия русских и интернациональных слов, которые до 1928 г., как правило, или искусственно переводились на родной язык, или заменялись арабо-иранскими терминами, например, в каракалпакском языке: *аударыспақ* «революция» (букв. «опрокидывание, переворачивание»), *силтеушилик* «инструктаж» (букв. «направление»), *шайтан арба* «велосипед» (букв. «чортон экипаж, телега»), *от арба* «паровоз, поезд» (букв. «огненная телега») и т. п.

В период развернутого социалистического строительства национальных республик огромные сдвиги в развитии экономики и культуры, переход на новую, сначала на латинскую, а затем на русскую графику, рост грамотности, укрепление и развитие литературы народов СССР в значительной степени отразились и на развитии словарного состава языков народов СССР. Несмотря на противодействия со стороны буржуазно-националистически настроенных элементов, в языки стали проникать русские и интернациональные слова, вытесняя искусственно введенные и не освоенные массами арабо-иранские слова и термины.

Развитию словарного состава языков народов СССР особенно способствовал перевод письменности на русскую графику, который еще более усилил прилив русской лексики. Русские и интернациональные термины, как правило, стали осваиваться в русской орфографической форме, что в значительной мере способствовало также и более легкому усвоению русского языка.

Непрерывный подъем экономики, культуры, науки и литературы способствовал еще большему обогащению лексики и терминологии всех отраслей производства и культуры. Приток русской и интернациональной лексики и главным образом общественно-политической и научной терминологии с каждым годом увеличивается, и в настоящее время ее доля превышает иногда терминологический запас коренных слов.

Заимствованная через русский язык лексика и терминология охватывает все основные разделы лексики и все специальные отрасли терминологии языков народов СССР. Она образует общий для всех языков Советского Союза лексический фонд, выработанный одними и теми же общественными условиями развития этих языков в послеоктябрьский период.

К этому общему для всех народов СССР фонду лексики и терминологии относятся политико-экономические, научно-технические и культурно-бытовые термины, например: *революция*, *пролетариат*, *республика*, *партия*, *коммунизм*, *социализм*, *демократия*, *колхоз*, *фабрика*, *комбайн*, *трактор*, *философия*, *математика*, *химия*, *биология*, *атом*, *ампер*, *вольт*, *культура*, *журнал*, *театр*, *музей*, *спорт*, *телефон*, *радио* и т. п.

Кроме интернациональных по своему оформлению и значению слов, в составе заимствованной через русский язык лексики имеется и такой разряд слов, который является специфичным и общим по значению только с русской терминологией, например, такие слова, как *промышленность*,

государство, вуз, завод, искусство, творчество, гудок, мороженое и т. п.

Заемствованные из русского языка слова, так же как и использованные для выражения новых понятий коренные слова, могут сужать или расширять свое значение, ср. каракалп. *болыс* (из русск. «волость») в значении «волостной старшина»; *мэмент* (из русск. «момент») в значении «время»; якутск. *бакуой* (из русск. «покой») в значении «досуг, свободное время»; *биячэр* (из русск. «вечер») в значении «сборище, вечеринка»; *куруубай* (из русск. «грубый») в значении «сварливый» и т. п.⁹

Иногда русские слова заимствуются в значении, не свойственном им в русском языке, например, каракалп. *первóй* (из русск. «первый») в значении «очень хороший, лучший» или якутск. *кириллиэс* (из русск. «крыльцо») в значении «лестница»; *мөһөөх* (из русск. «мешок») в значении «сто рублей» *биэтэс* (из русск. «ветошь») в значении «подкладка одежды» и т. п.

В грамматическом отношении подавляющее большинство заимствованных через русский язык слов относится к именам существительным и реже к прилагательным. Других частей речи, за редким исключением, не встречается среди заимствованных слов. Показательно, что, например, в якутском языке, заимствованные из русского некоторые глагольные формы воспринимаются как имена, ср. *мэһэй* (из русск. «мешай») в значении «помеха»; *бодьуус* (из русск. «возись») в значении «возня, хлопоты», *көдьуус* (из русск. «годись») в значении «годность, пригодность, польза», и др.

Иногда русские знаменательные слова используются в языках народов СССР только в служебном значении, ср., например, якутск. *муора* (из русск. «море») в значении «очень много»; *киһи муора элбэх* «народу очень много»; *хаар муора түстэ* «снегу выпало очень много» и т. п.

Однако грамматическое однообразие заимствованных основ слов, т. е. преимущественно именное их значение нейтрализуется в языке средствами словообразования.

Благодаря обширному арсеналу словообразовательных средств языка многие из заимствованных слов, поступая «в распоряжение грамматики», образуют множество производных форм, распределяющихся по своему грамматическому значению по различным частям речи. Наиболее продуктивными аффиксами словообразования от основ заимствованных слов в тюркских языках являются:

1) аффикс образования глагола от имени *-ла/-ле*, в сочетании с которыми заимствованное слово приобретает значение основы глагола, ср. каракалп. *колхоз* «колхоз», *колхозла* «делать по-колхозному», *колхозлас* «коллективизироваться», *колхозластыр* «коллективизировать», *колхозласу* «коллективизация», *колхозласушы* «коллективизирующий», *колхозласқан* «коллективизировавшийся» и т. д.

2) аффикс обладания *-лы/-ли* образует форму, соответствующую русскому прилагательному, ср. каракалп. *тракторлы* «имеющий трактор, с трактором»;

3) аффикс именного отрицания, отсутствия данного предмета *-сыз/-сиз*, ср. каракалп. *тракторсыз* «без трактора»;

4) аффикс, образующий в современном языке относительные прилагательные: *-лык/-лик*, ср. каракалп. *демократиялык* «демократический», *колхозлык* «колхозный»;

5) аффикс, образующий в современном языке уподобительные прилагательные: *-дай/-дей*, ср. каракалп. *мотордай* «как мотор»;

6) аффикс, образующий в современном языке наречия: *-ша/-ше*, ср. каракалп. *демократша* «по-демократически»;

⁹ См. Л. Н. Харитонов, Современный якутский язык, Якутск, 1948.

7) аффикс *-шы/-ши*, образующий определительную форму имени существительного в значении названия профессии, ср. каракалп. *тракторшы* «тракторист».

Все заимствованные слова словарного состава каждого языка имеют общую с коренными словами систему словообразования и словоизменения, образуя общие для всех тюркских языков две основные функциональные формы грамматического словообразования: а) субстантивные формы и б) атрибутивные формы (реализующиеся в двух своих модификациях определительной и обстоятельственной), а также общие для всех тюркских языков две основные лексико-грамматические формы лексического словообразования: а) невербализованные и б) вербализованные формы, например, в каракалпакском языке:

Невербализованные формы:

1) субстантивные: *колхоз, демократ*;

2) атрибутивные: а) определительные: *колхозшы* «относящийся к колхозу, колхозник», *колхозлы* «имеющий колхоз, обладающий колхозами, с колхозами», *колхозсыз* «без колхоза, не имеющий колхозов», *колхозлық* «колхозный», *демократлық* «демократический» и б) обстоятельственные: *колхозша* «по-колхозному», *демократша* «демократически».

Вербализованные формы:

1) субстантивные (имена действия): *колхозласу* «коллективизация», *демократласу* «демократизация» и др.

2) атрибутивные: а) определительные (причастия): *колхозласқан* «коллективизировавшийся», *демократласқан* «демократизировавшийся», и б) обстоятельственные (деепричастия): *колхозласып* «коллективизировавшись», *демократласып* «демократизировавшись» и др.

Таким образом, все заимствованные слова входят в систему языка на общих основаниях и имеют общую с коренными словами систему словообразования и словоизменения, т. е. подчиняются внутренним законам развития языка.

В отношении орфографии освоенные через русский язык слова в различные периоды их заимствования оформлялись различно. В первые годы после революции заимствованные через русский язык слова обычно оформлялись соответственно их произносительной форме с учетом фонетических возможностей данного национального языка, ср., например, старые заимствования в алтайском языке: *салкобай* «целковый, рубль», *остолмо*||*столмо* «столб», *пык* «пух», *бөгөрп* «погреб», *остол* «стол» и т. п.; в каракалпакском языке: а) старые заимствования: *порум* «форма», *ыскылат* «склад» и т. п. и б) новые заимствования в первый период развития литературного языка, *кэллийктип* «коллектив», *кэмунес* «коммунист», *лэпкөз* «ликбез», *багон* «вагон», *перма* «ферма» и т. п.; в туркменском языке: а) старые заимствования: *эпише* «кокошко», *ассансыя* «станция», *магун* «вагон» и т. п. и б) новые заимствования первого периода — *тылыпун* «телефон», *капыратыл* «кооператив», *онбирсал* «универсальный» и т. п.¹⁰

Наибольшим изменениям заимствованные слова подвергались в языках, имевших недостаточное количество дифференцированных согласных фонем. К этим языкам относятся такие языки, как хакасский, тувинский, якутский. Ср., например, оформление заимствованных через русский язык слов и терминов в якутском языке: *мөһөөх*, русск. «мешок», где губной вокализм слова объясняется одним из законов сингармонизма — обратным влиянием губного гласного *о*, а удвоенный *өө* во втором слове указывает на ударение; замещение *и* > *h* объясняется отсутствием согласного *ш* в якутском языке того времени, который обычно замещался *с*, но *с* в интер-

¹⁰ М. Д. Аннагурдov, цит. соч., стр. 8.

вокальной позиции по фонетическим законам переходит в *h* и, таким образом, русское слово «мешок» дало в якутском *məhəəx*; *куруубай* или *хуруубай*, русск. «грубый», фонетически объясняется: а) отсутствием звонкого *g* в начале якутских слов; б) невозможностью сочетания в начале слов в одном слогое двух согласных *gr* и переходом этой группы в слог, разреженный гласным *xu* или *ku*; в) обозначением долгим гласным ударения и т. д.

Однако позднее, когда русские слова стали заимствоваться в более значительных масштабах, когда традиции письменности у бывших бесписьменных народов в значительной степени окрепли, когда вместе с массой новых слов и терминов в национальные языки стали проникать и новые звуки, когда выросло значение русского языка как второго родного языка для всех народов Советского Союза — орфография заимствованных слов в национальных языках сближается с русскими орфографическими нормами. Вместе с тем в правописании заимствованных слов и особенно в отношении оформления границ основы и аффиксов, а также в отношении словообразовательных средств учитывались и специфические особенности данного национального языка, имеющего свои особенности и свои внутренние законы развития. За время после Октябрьской революции языки народов СССР не только значительно обогатили свой словарный состав, но в какой то степени расширили и свой основной словарный фонд, в котором под влиянием необычайного обогащения лексики, произошла известная перегруппировка слов. В отдельных деталях изменился, конечно, и грамматический строй этих языков, сохраняя во всем существенном свою структуру. Имели место и определенные фонетические изменения.

Так, в связи с обогащением словарного состава и заимствованием большого количества слов через русский язык фонетическая система тюркских языков обогатилась новыми гласными и согласными звуками. Некоторые тюркские языки, например, казахский, каракалпакский, ногайский и др., вокализм которых характеризуется отсутствием нормальных узких гласных полного образования, соответствующих русским гласным *и* и *у*, усвоили эти звуки вместе с заимствованной русской лексикой. Татарский и башкирский языки заимствовали вместе с русскими словами гласные звуки, соответствующие русским *е* и *о*, которых не было до того в их фонетической системе.

Еще в большей степени изменился состав согласных. Большинство тюркских языков усвоило новые для них согласные звуки *ф*, *в*, *ц*, *ш*. Казахский, каракалпакский и некоторые другие тюркские языки заимствовали те же согласные звуки и, кроме того, отсутствовавший в этих языках согласный *ч*, хакасский язык — *ф*, *в*, *ц*, *ш*, *ж*, а якутский — *ф*, *в*, *ц*, *ш*, *ж*, *з*.

Вместе с изменением состава звуков современных тюркских языков постепенно изменяются также и присущие этим языкам фонетические закономерности. Языки, сохранившие последовательный сингармонизм слова, теряют его в отношении заимствованных слов. Влияние передних и задних гласных на соседние гласные и согласные в заимствованных словах ограничивается в некоторых языках, например, в киргизском, пределами одного слога. Изменяются для заимствованных слов также и закономерности, относящиеся к ассимиляции согласных, и т. д. В тюркских языках, где система слогов была ограничена только шестью типами слогов (*а-*, *ба-*, *аб-*, *баб-*, *барб-*, *арб-*)¹¹, появляются новые типы слогов: *бра-*, *браб-*, *брарб-* и проч. Структура слога и изменение фонетических закономерностей в заимствованных словах влекут за собой и измене-

¹¹ Здесь типы слогов показаны схематично, условными обозначениями, которые соответствуют *а*—гласному, *б*—шумному согласному и *р*—сонорному согласному

ние места экспираторного ударения, которое в современных языках в заимствованных словах имеет подвижный характер, в то время как прежде ударение было строго фиксированным.

Значительно медленнее, но изменяется и грамматический строй языков. Как указывает И. В. Сталин: «Он, конечно, претерпевает с течением времени изменения, он совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами, но основы грамматического строя сохраняются в течение очень долгого времени, так как они, как показывает история, могут с успехом обслуживать общество в течение ряда эпох»¹².

Современные языки народов СССР, подвергнувшись значительному изменению своего словарного состава и развивающиеся, совершенствующиеся, как языки литературные, естественно усовершенствовались за это время свой грамматический строй, уточнили правила изменения слов и реализовали свои внутренние возможности в отношении обогащения своего синтаксиса и т. д.

В современных тюркских языках заметна, например, тенденция развития и выделения во вполне самостоятельную часть речи имени прилагательного, которое до последнего времени оставалось весьма слабо дифференцированным с наречием, с одной стороны, и именем существительным — с другой. Имя прилагательное в современных языках приобрело уже самостоятельное место в системе частей речи и развило свою систему словообразования. Аффиксы именного словообразования: *-лы/-ли* (с вариантами), *-лык/-лик* (с вариантами), *-сыз/-сиз*, *-ы/-и* и некоторые другие, имевшие прежде несколько иное значение, приобрели теперь также и значение аффиксов, образующих имена прилагательные. Некоторыми языками, например, алтайским, хакасским, заимствованы русские аффиксы образования прилагательных, причем усвоена только одна форма с нейтральным в отношении грамматического рода и числа окончанием: в алтайском языке форма мужского рода *-ный*, *-ский*, которая употребляется и при определяемом, стоящем в женском роде (ср. *социальный наукалар* «социальные науки», *коммунистический партия* «коммунистическая партия» и т. п.); в хакасском языке — особая форма на *-най*, *-скай*, также нейтральная в отношении рода и числа (ср. *Азкызский район* «Азкызский район», *Верховный Совет* «Верховный Совет» и т. п.).

В связи с развитием конструкций сложных предложений увеличивается количество различных служебных слов и, в частности, союзов, которых в старом языке было значительно меньше. Изменяется отчасти порядок слов в предложении, особенно это явление заметно в разговорном языке. В отдельных конкретных случаях становится более универсальным управление некоторых глаголов падежами, так в современных тюркских языках глагол *мин* «оседлать кого-либо, садиться на что-либо» управляет теперь и направительным и винительным падежами, глагол *пайдалан* «пользоваться, использовать» — и исходным и винительным падежами и т. д.

Видоизменяются постепенно грамматические связи в некоторых конструкциях предложения, ср., например, изменение формы логического субъекта в таких конструкциях, как *биз ауылда баруымыз керек* «мы должны идти в деревню» (вместо прежней формы *биздине ауылда баруымыз керек*) — в каракалпакском и других языках и т. п.

Языки народов СССР в эпоху после Великой Октябрьской социалистической революции прошли большой путь развития (некоторые из них от языков неконсолидировавшихся племенных групп и народностей

¹² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 25—26.

к языкам социалистических наций), и этот длительный в других условиях путь пройден народами СССР в небывало короткое время. Естественны поэтому и значительные сдвиги в этих языках в смысле обогащения их словарного состава и совершенствования и шлифовки их грамматического строя. Однако все эти изменения ни в какой мере не нарушают складывающуюся веками основу языка.

IV

Развитие, совершенствование и обогащение языков народов СССР в эпоху развития и становления социалистических наций коренным образом отличается от тех же процессов образования литературных языков до Великой Октябрьской социалистической революции.

Развитие национальных по форме и социалистических по содержанию культур народов СССР, расширение сети школ, организация национальных театров и других культурных учреждений, небывалый рост литературы, составление учебников, переводы научной и общественно-политической литературы — все это вызвало необходимость организованной плановой разработки вопросов литературных языков, которая строится на научной основе, на тщательном изучении каждого конкретного языка, с учетом внутренних законов его развития.

Плановая и организованная разработка вопросов литературных языков касалась главным образом практических вопросов нормализации вновь развивающихся литературных языков, установления их диалектной основы и грамматических норм, усовершенствования графики и орфографии, регулирования огромного количества новых необходимых терминов.

Однако в разработке вопросов национальных литературных письменных языков было допущено немало ошибок.

Марровское так называемое «новое учение» о языке нанесло большой вред изучению национальных языков и разработке теоретических и практических вопросов языкознания. Антиисторизм этого «учения» мешал изучению основных вопросов истории, диалектологии, лексики, грамматического строя конкретных языков и процессов их развития в связи с конкретной историей данного народа. Все языки в этом отношении рассматривались изолированно, вне их родственных связей. Сравнительно-исторический метод был изгнан из практики исследовательской работы, которая поэтому стояла на низком теоретическом уровне. Много ошибок было допущено в связи с этим и в разрешении вопросов практического языкознания.

И. В. Сталин не только вскрыл антимарксистскую сущность «нового учения» о языке, но указал и на порочность практики его последователей, на неправильные их установки в отношении изучения национальных языков.

Положения И. В. Сталина позволяют нам окончательно покончить с той путаницей, которая царилла прежде в этих областях знания, и организовать дальнейшую работу на марксистских началах. И. В. Сталин дал исчерпывающие указания о том, что взаимоотношения между нациями и их языками до и после победы социализма различны. Если в условиях капитализма при скрепчивании языков происходит борьба между языками за господство одного из языков, то в нашей стране, после победы социализма, языки получили возможность свободного развития.

В новых социалистических условиях изменилось и отношение всех народов СССР к русскому языку, который признан всеми ими вторым родным языком. Русский язык как один из наиболее передовых языков мира стал основным источником обогащения и развития других национальных языков Советского Союза. Из него заимствуется вся основная научная и обще-

ственно-политическая терминология. Русский язык занял теперь важное место и в школе.

Основополагающие труды И. В. Сталина поставили перед советским языкознанием новые задачи и в отношении практических вопросов дальнейшей разработки национальных литературных языков и в том числе в первую очередь языков народов СССР.

Одним из основных вопросов нормализации литературных национальных языков является вопрос о правильном выборе диалектной основы языка — основного диалекта, грамматический строй и основной словарный фонд которого становится базой для развивающегося литературного национального языка.

Национальные республики и области в основном правильно разрешили этот вопрос, хотя в отдельных случаях и имеют еще место ошибочные в этом отношении выводы, а следовательно, и практическая их реализация.

Как правило, языки народов СССР, впервые получившие письменность и возможность развития своего литературного языка, несмотря иногда на пестрые диалектные различия, имеют своей базой единый диалект, наиболее полно отражающий общие закономерности в развитии всего общенародного языка. Однако некоторые языки в силу исторических причин были поставлены в особые условия развития на основе не одного, а двух или нескольких диалектов. К таким языкам относятся, например, современные литературные языки коми-зырянский и коми-пермяцкий, эрзя и мокша мордовские или горный и луговой марийские, которые до сих пор разобщены в своем развитии, а следовательно, и не имеют единых национальных литературных языков. Среди тюркских языков до недавнего прошлого в таком же положении находился чувашский язык, консолидация диалектов которого завершилась еще в прошлом столетии в виде двух основных диалектов или наречий: анатри, или низовое наречие, и вирйял, или верховое наречие, которые ныне объединены единым литературным национальным языком, с низовым наречием в основе, но с использованием лексических богатств и другого диалекта.

Отдельные из тюркских языков (узбекский, туркменский и некоторые другие) до сих пор имеют некоторый разрыв между нормами литературного и разговорного языка. Диалектная основа этих языков остается неясной. Так, например, современный литературный узбекский язык, в основе которого лежат так называемые «городские несингармонистические говоры», оказался в некоторой мере обособленным по отношению ко многим диалектам общенародного языка. Эта обособленность литературного языка объясняется также его засоренностью множеством чуждых арабо-иранских и староузбекских лексических элементов, непонятных народу. Ярким показателем неполного разрешения вопроса об отношении узбекского литературного языка к территориальным диалектам и классовым жаргонам является то, что современные поэты и писатели нередко снабжают свои произведения толковыми словариками, объясняющими значение некоторых слов литературного языка. Такие же явления, но в меньшей степени, характерны и для таких языков, как татарский и туркменский, что объясняется пристрастием некоторых писателей к образцам старой литературы.

Имеются среди тюркских языков и такие языки, диалектные особенности которых не являются резкими и выражены в языке слабо. Примером может служить казахский язык, говоры которого не имеют резких расхождений, хотя и имеют свои особенности как в фонетической структуре, так и в лексике и грамматике. Некоторые казахские языковеды пытались на основе этих местных особенностей казахского языка построить классификацию казахских говоров, опирающуюся на старое деление казахского

народа на три жуза, или три орды,— Старшую или Большую, Среднюю и Младшую или Малую,— однако данные казахского языка не подтверждают этой схемы деления казахских говоров на три жузовских диалекта. Во всяком случае, для того чтобы решить вопрос о наличии диалектов в казахском языке — диалектов, характеризующихся совокупностью местных фонетических, лексических и грамматических особенностей, которые составляли бы известную систему и распространялись бы на определенную территорию, необходимо прежде всего собрать соответствующий материал. Этот материал позволил бы установить, составляют ли те местные особенности казахского языка, например, в районах, смежных с узбеками, киргизами, туркменами и т. д., определенную систему фонетических, лексических и грамматических признаков, позволяющую говорить о наличии диалектов или говоров, или они образуют только пограничные, переходные мелкие явления, характерные для небольших территорий.

Перед языковедами национальных республик стоит большая и ответственная задача — определить отношение литературного языка к диалектам и говорам, установить диалектную основу каждого национального языка и в соответствии с этим основным диалектом нормализовать литературный язык, т. е. определить его лексические, грамматические, орфоэпические и орфографические нормы, используя при этом все богатства всего общенародного языка. При определении норм литературных языков со старыми традициями необходимо одновременно вести борьбу за очищение литературного языка от исторически отложившихся элементов старых классовых жаргонов, против буржуазно-националистических попыток навязать литературному национальному языку нормы, чуждые общенародному разговорному языку. Эти тенденции, как известно, выражались либо в навязывании искусственных образований типа *аударыспақ* «революция» (букв. «опрокидывание»), либо в использовании в широких масштабах арабо-иранской лексики. Позже, с принятием латинского алфавита для тех же буржуазно-националистических элементов характерны были тенденции «ограждения» языка от стихийно проникающих в общенародный разговорный язык русских и через русский язык интернациональных терминов и заимствований «европеизированных» форм, например, *социалистик* «социалистический», *популяр* «популярный» — в татарском и некоторых других языках.

При установлении норм литературного языка нельзя допускать большого разрыва между литературным языком и общенародным разговорным языком. Необходимо избегать чрезмерного увлечения в заимствовании новых слов в тех случаях, когда они могут быть выражены средствами своего языка, но вместе с тем нельзя также ограждать национальный язык искусственными барьерами, не допускающими внедрение в письменный литературный язык русских слов, широко используемых в общенародном разговорном языке, а также специальной терминологии, которая усваивается в школе вместе с усвоением русского языка.

Русский язык как средство общения народов СССР занимает в этом отношении особое место. Являясь одним из крупнейших и наиболее развитых языков мира, русский язык сыграл и играет ныне огромную роль средства приобщения народов СССР к великой русской культуре. Поэтому совершенно естественна тяга народов СССР к его изучению и освоению, а вместе с тем и к привлечению его лексических богатств для обогащения лексикой родных языков.

Такое сближение языков народов СССР с великим русским языком является также одним из ярких показателей сближения национальных по форме и социалистических по содержанию культур всех народов СССР и сплочения всех народов вокруг великого русского народа.

При разработке норм национальных литературных языков народов СССР необходимо руководствоваться следующими основными положениями, вытекающими из основополагающих указаний И. В. Сталина.

Каждый из национальных литературных языков народов СССР должен опираться на массовый, наиболее богатый в отношении развития основного словарного фонда, словарного состава и грамматического строя диалект, наиболее полно отражающий общие закономерности в развитии всего языка. Вместе с тем нельзя допускать, чтобы литературный язык был оторван от общенародного языка и не был понятен представителям других диалектов и говоров. Литературный язык должен быть очищен от засоряющих его элементов классовых жаргонов письменных (книжных) языков прошлого, а также от искусственных заимствований, не понятных народу (многие арабо-иранские слова и термины, «европеизированные» формы словообразования и т. п.).

При разработке, совершенствовании и шлифовке норм литературного языка необходимо исходить прежде всего из специфики данного конкретного языка, из внутренних закономерностей его развития, из лексических и грамматических его ресурсов. Вместе с тем необходимо также бороться и с буржуазно-националистическими тенденциями — избегать заимствований из соседних, более развитых языков и, в первую очередь, из русского языка, избегать сближения с русским языком.

Важнейшим вопросом дальнейшей нормализации литературных языков народов СССР является установление правильных и научно обоснованных принципов разработки общественно-политической и научно-технической терминологии. Известно, что развитие и обогащение языков выражается прежде всего в пополнении их новой лексикой. Пополнение это, как и все другие процессы нормализации литературных языков, должно регулироваться. Для каждого конкретного языка принципы регулирования терминологии должны быть разработаны отдельно, хотя, вместе с тем, могут быть в этом направлении и некоторые общие положения.

Одним из коренных вопросов разработки и нормализации терминологии во всех языках народов СССР является вопрос установления источников терминологии и правильного их использования. Основным источником терминологии должен быть прежде всего словарный состав данных конкретных языков и их диалектов. Словарный состав языка образует сложную семантическую систему лексических связей, и каждое новое понятие, сближаясь по одному из своих основных признаков с другими понятиями, находит и свое словесное оформление. Однако новый термин, созданный либо путем семантического сужения или расширения старого слова, либо путем аффиксации, либо посредством синтаксических сочетаний двух или нескольких слов, либо каким-нибудь искусственным словосложением, — не всегда остается в языке и входит в лексическую систему его словарного состава. Обогащение словарного состава идет также и путем заимствования слов из других языков. Языки народов СССР в течение всей послеоктябрьской эпохи широко использовали и используют богатейшую терминологию русского языка, из которого они заимствуют также и интернациональные термины.

Эта традиция должна остаться и в будущем. Необходимо рационально использовать оба указанных средства пополнения терминологии. Однако как в отношении собственных средств каждого конкретного языка, так и в отношении русского языка — основного источника заимствования терминов — должны быть установлены известные взаимные границы. Терминология языков народов СССР не должна перегружаться заимствованными словами в тех случаях, когда новый термин может быть легко создан своими словообразовательными средствами, и в то же время должна

вестись решительная борьба с непонятными широким массам народа, искусственными переводами на родной язык терминов, известных уже массам в их русском оформлении.

Что касается незнакомых и чуждых общенародному разговорному языку искусственно принятых на первых этапах развития национальных литературных языков арабо-иранских слов и терминов, то их употребление нельзя признать целесообразным. Вместе с тем не следует увлекаться чрезмерной «чисткой» языка от арабо-иранской лексики там, где она органически вошла в словарный состав и основной словарный фонд данных конкретных языков.

Таковы главные принципы разработки терминологии в современных языках народов СССР, которые в основных чертах и реализуются ныне в большинстве республик и областей.

Одним из важнейших достижений в области культуры народов СССР, возрожденных Великой Октябрьской социалистической революцией, является разработка алфавитов и письменности для языков этих народов на основе русской графики.

Арабский алфавит, которым пользовались некоторые народы, и позже латинизированный алфавит не могли в полной мере обеспечить развитие национальных языков бывших отсталых народов России.

Переход большинства языков на русскую графику содействовал не только развитию всех языков Советского Союза, но и оказал значительную помощь в успешном освоении национальностями Советского Союза русского языка и русской культуры, обеспечив тем самым единую и общую основу грамотности на двух языках — родном и русском.

Разработка алфавитов и письменности на основе русской графики осуществлялась большинством национальных республик и областей с учетом взаимного обмена опытом и рекомендацией местных и центральных научно-исследовательских учреждений. Благодаря этому современные алфавиты на основе русской графики вполне отражают фонематический состав языков, способствуют успешному усвоению родных языков в школе и в значительной мере помогают национальностям Советского Союза усваивать русский язык.

Такое исключительное значение русского алфавита требует и особого внимания при его использовании. Задача одновременного обучения грамоте на национальном и на русском языках может быть успешно решена лишь при условии максимальной унификации значений букв. В алфавитах на русской основе для каждого конкретного национального языка по возможности не должно быть противопоставлений общих для него и для русского языка знаков или букв, которые используются только для звуков национального языка, — другим, также общим, которые используются только для заимствованных слов. Это положение, конечно, не касается специфических знаков, отсутствующих в русской азбуке, которые могут использоваться только для коренных слов данного языка.

Алфавиты как системы условных знаков-букв, отражающие по возможности все фонемы данного языка, должны быть, с одной стороны, максимально просты, а, с другой стороны, — дифференцированно отражать на письме все семантически различимые слова.

С этой точки зрения существующие алфавиты на русской основе требуют еще значительных исправлений и уточнений, что и является одной из ближайших задач наших научно-исследовательских учреждений.

Дальнейшее усовершенствование алфавита должно пойти, во-первых, по линии установления минимального количества значений для каждого знака, а, во-вторых, в целях облегчения усвоения родного и русского языков в школе — по линии согласования и унификации значений каж-

дого знака алфавита конкретного языка с русским алфавитом. Для этого в первую очередь могут быть поставлены на обсуждение следующие вопросы, связанные с обозначением гласных звуков:

- а) о разграничении обозначения звуков *а* и *э* в узбекском алфавите;
- б) о разграничении в обозначении звуков *е* татарского и *е* русского в заимствованных словах в татарском алфавите;
- в) о разграничении отражения в письме, с одной стороны, гласного типа *и*, а с другой — дифтонгов *ий* и *ий* в казахском и каракалпакском языках;

г) о возможности и даже необходимости сближения в обозначении гласных звуков, близких между собой по артикуляции, например, звуков *й* и *и*, с одной стороны, и звуков *у* и *у*, с другой — в казахском алфавите.

Более удачно разработаны современные тюркские алфавиты для обозначения согласных звуков, хотя и здесь имеются еще некоторые недостатки. Для их искоренения необходимо обратить внимание на дальнейшую разработку вопросов алфавита, главным образом, в следующих основных направлениях.

Во-первых, избегать, по возможности, обозначения одного и того же звука разными буквами как внутри одного алфавита (ср. например, обозначение *у* (*u*) в татарском и башкирском алфавите, где этот согласный имеет три эквивалента: *в*, *у*, *у*, так и в различных алфавитах (ср., например, обозначение согласного *дж* шестью способами: *дж*, *дъ*, *ж*, *жс*, *ч*, *з*).

Во-вторых, избегать, по возможности, введения в алфавит лишних букв, которые могут быть заменены условными орфографическими приемами. Ср., например, излишние знаки *к* и *э* (и соответствующие графические их варианты *к*, *кэ*, *э*) в языках, сохранивших законы сингармонизма, например, кумыкском, ногайском, казахском, каракалпакском, башкирском, где дифференциация в произношении *к* и *к*, *э* и *э* достигается наличием либо задних, либо передних гласных в слове: ср., например, в каракалпакском языке: *кол* (*қол*) «рука» и *көл* (*қөл*) «озеро» или *согуу* (*соғу*) «драка» и *соғуу* (*соғу*) «брань» и т. п. Обозначение этих пар согласных *к* и *к*, *э* и *э*, которые, так же как и звуки *л* и *л* в большинстве тюркских языков, за исключением узбекского, уйгурского и некоторых других, не являются смыслоразличающими звуками — связано еще с традициями использования арабского алфавита, где эти звуки для арабского языка обозначались различными знаками.

Такое сокращение лишних знаков, (например, *к* и *э*), как показала практика в Татарии, Киргизии, Туркмении и на Алтае, способствует упрощению правил правописания, а следовательно, и сокращению орфографических ошибок у учащихся в школах по родному языку.

В-третьих, избегать по возможности многозначности отдельных букв алфавита, обозначающих далекие между собой значения. Например, буква *у* в казахском и каракалпакском алфавитах обозначает такие различные звуки, как гласный *у* (а в каракалпакском, кроме того, и передний *й*), согласный *у* (*u*) и дифтонги *у*, *у*.

В-четвертых, необходимо максимально сблизить графику и орфографию национальных алфавитов с графикой и орфографией русского языка, устраняя имеющиеся здесь противоречия.

Таковы итоги разработки алфавитов для тюркоязычных республик, основные недостатки этих алфавитов и основные пути и задачи дальнейшей их разработки и совершенствования.

Одной из крупнейших практических задач в области разработки национальных литературных языков Советского Союза является также задача дальнейшего уточнения существующих норм орфографии.

При уточнении правил орфографии, их упрощении и приближении

к существующим нормам разговорного литературного языка необходимо исходить из специфических закономерностей каждого конкретного языка. Совсем недавно представители так называемого «нового учения» о языке квалифицировали характерные для всех тюркских языков законы сингармонизма, как законы реакционные, мешающие якобы развитию этих языков и уточнению норм произношения и правописания, тогда как эта особенность тюркских языков в значительной степени помогает установить весьма точные и ясные правила орфоэпии и орфографии.

Нормы орфографии многих современных тюркских языков игнорируют отражение в письме всех наличных в слове фонем, допускают пропуск в письме узких гласных (каракалпакский, хакасский и некоторые другие языки) или непоследовательное отражение, а иногда и полный пропуск в письме долгих гласных (туркменский, алтайский и др.).

Одним из основных недостатков современных правил орфографии для большинства тюркских языков является отсутствие четких правил слитного и раздельного написания слов. Характер и специфика тюркских языков, как языков агглютинативных, требуют в этом отношении, как нам представляется, максимального использования принципа раздельного написания и только в виде исключения для сложных слов, фонетически слившихся между собой, принципа слитного их написания.

Сложным является также вопрос о правописании аффиксов и отражении в письме фонетических явлений, возникающих на границах между основой и формантами. Именно здесь наблюдаются различные закономерности ассимиляции и диссимиляции гласных и согласных, в отношении которых должны быть установлены и соответствующие правила правописания. Наибольшую трудность вызывают в данном случае заимствованные слова с необычным для многих тюркских языков сочетанием гласных и согласных звуков. Подчиняясь законам данного языка, они получают подчас формы правописания, не совпадающие с произношением.

При уточнении правил орфографии необходимо учитывать лексику и терминологию, заимствованную через русский язык, а также и те новые звуки, обогатившие фонетическую структуру языков народов СССР. Заимствование новых звуков расширяет рамки и возможности орфографического оформления слов и позволяет установить общие орфографические правила для заимствованных слов. Вопрос о принципах оформления русских заимствованных слов в соответствии с существующими специфическими особенностями конкретных языков был поставлен недавно в статьях А. Е. Мординова и Г. Д. Санжеева¹³.

В этих статьях устанавливается общий принцип подчинения заимствованных слов фонетическим нормам национальных языков при одновременном сохранении их первоначального начертания в пределах этих норм и с учетом введенных в алфавиты дополнительных букв для вновь заимствованных через русский язык звуков, а также указывается на необходимость оставления старых русских заимствований в их уже полностью приспособленных к нормам языка формах и максимального приближения к русскому оригиналу вновь заимствованных русских слов в период после Великой Октябрьской социалистической революции.

В оформлении заимствованных через русский язык слов в большинстве языков народов СССР установились уже известные традиции, по которым старые заимствования оформляются в соответствии с их произношением

¹³ См. А. Е. Мординов, О развитии языков социалистических наций в СССР, Сборник «Вопросы диалектического и исторического материализма в труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», М.—Л., 1951, стр. 151, а также А. Мординов, Г. Санжеев, Некоторые вопросы развития младописьменных языков народов СССР, «Большевик», № 8, 1951 г., стр. 38.

по фонетическим нормам каждого национального языка, термины же, заимствованные после Великой Октябрьской социалистической революции в этих языках оформляются с учетом тенденции к сближению орфографического облика всех заимствованных в этот период слов и, в особенности, специальных терминов и собственных имен с их русскими начертаниями.

Нарушение этих установившихся традиций в правописании заимствованных слов было бы связано с ломкой существующей орфографии и привело бы к отрыву языков народов СССР от соответствующих разговорных народных языков. Вместе с тем существует и другая опасность — отрыв языков народов СССР от русского языка, — если бы национальные орфографии были разработаны без учета заимствования вместе со словами и новых заимствованных фонем из русского языка. Такой отрыв вредно бы отозвался прежде всего на усвоении русского языка в нерусской школе.

Однако для оформления заимствованных слов нельзя установить общих и универсальных правил для всех языков. Существующие внутренние законы развития языков, с одной стороны, и многолетние традиции усвоения русских слов — с другой, диктуют установление различных правил оформления заимствованных слов в каждом конкретном языке.

Между тем, при установлении орфографических правил для языков, пользующихся алфавитом на русской основе, необходимо, чтобы эти правила исходили из закономерностей фонетической структуры и грамматического строя национальных языков и вместе с тем не имели бы резких расхождений с существующими условностями русской орфографии. Установление такой орфографии в значительной мере поможет избежать тех трудностей преподавания русского языка в национальной школе, которые возникали и могут возникать в том случае, если единая для этих языков графика будет использована в орфографии без установления соответствующих принципов.

Поэтому все вопросы орфографии коренных и заимствованных слов должны решаться конкретно, исходя из общих принципов и учета как фонетических и лексико-грамматических норм конкретных языков, так и потребностей и требований методики преподавания родного и русского языков в нерусской школе.

*

Кроме разработки основных и первоочередных практических вопросов национальных литературных языков, каковыми являются установление принципов нормализации языков, определение их диалектной базы и правильных взаимоотношений литературного языка с другими диалектами, вопросы разработки терминологии, алфавитов и орфографии, перед лингвистами Советского Союза стоят также задачи установления орфоэпических норм для большинства национальных языков народов СССР, вопросы стилистики и совершенствования техники перевода. Выполнение всех этих задач обеспечено теми программными и методологическими указаниями, которые даны в гениальных трудах И. В. Сталина.
